

ЕНИСЕЙ И АНГАРА

К истории и этимологии названий гидронимов и изучению перспектив формирования географических представлений о бассейнах рек Южной Сибири

А. А. Бурькин¹

Аннотация: В статье рассматривается происхождение названий рек Енисей и Ангара по данным письменных источников XIII-XVII вв. с учетом данных об этническом составе народов, живущих в бассейнах этих рек и в районе озера Байкал, принимая во внимание миграции этих народов и последовательность их первых контактов с русскими казаками, продвигающимися на Восток. Название Енисей, согласно заключениям автора, восходит к ненецкому языку и было зафиксировано в нижнем течении этой реки. Материалы статьи позволяют сделать вывод, что название реки Ангара, вопреки распространенному мнению, происходит не из бурятского, а из эвенкийского языка, и связь этого названия с современной рекой Ангарой оказывается относительно поздней, датируемой концом XVII в.

Ключевые слова: топонимия, гидронимы, Южная Сибирь, Енисей, Ангара, письменные источники, тюркские языки, самодийские языки, енисейские языки, эвенкийский язык, бурятский язык.

YENISEI AND ANGARA.

Regarding the history and etymology of the river names and studying of prospects of formation of geographical representations about the basins of rivers of Southern Siberia

A. A. Burykin

¹ Бурькин Алексей Алексеевич — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института лингвистических исследований РАН, г. Санкт-Петербург.

Постоянный адрес статьи: http://www.tuva.asia/journal/issue_2-3/3795-burykin.html

Abstract: The author considers the origin of names of the rivers Yenisei and Angara according to written sources of 13th – 17th centuries taking into account the data about ethnic structure of the people living in the basins of these rivers and around lake Baikal, paying attention at the migrations of these peoples and sequence of their first contacts to the Russian Cossacks who were moving ahead on the East. The name Yenisei, according to the conclusions of the author, goes back to Nenets language and has been fixed in the lower reaches of this river. The materials allow the author to draw a conclusion that the name of the river Angara, contrary to popular beliefs, occurs not from Buryat, but from the Evenki language, and communication of this name with the modern river Angara appears considerably late, at the end of the 17th century.

Keywords: Топонимы, гидронимы, Southern Siberia, Yenisei, Angara, written sources, Turkic languages, Samoyedic languages, Yenisei languages, Evenki language, Buryat language.

Енисей — река, являющаяся исторической границей между Западной и Восточной Сибирью; это значимая граница между этносами и историко-культурными областями. Река Енисей служила путем для миграций народов, живущих по ее берегам. История изучения этих названий имеет более чем полуторавековую временную перспективу (Небольсин, 1850).

Согласно словарю В. А. Никонова, название Енисей происходит от «селькупск., хантыйск или эвенк. *Ионгессу* — «Большая река», там же отмечается, что на тувинском языке эта река называется Улуг-хем — «большая река» (Никонов, 1966: 136).

По мнению Е. М. Поспелова, наименование Енисей образовалось как сращение двух слов со значением «река»: эвенкийского *енэ* и кетского *сесь* (Поспелов, 2008: 183). Е. М. Поспелов пишет: «Но как известно, население любой территории со временем меняется, на берегах рек появляются новые народы, для которых слово «река», данное на языке их предшественников, становится уже непонятным, лишенным смысла, и воспринимается как имя собственное. Поясним сказанное примером. Для эвенков, живших некогда на берегах среднего течения Енисея, он был просто

енэ или йэне — «большая река». Более поздние жители края кеты приняли этот термин за название реки. Но в соответствии с нормами языка кетов имя собственное должно сопровождаться географическим термином, определяющим вид объекта, в данном случае термином «река», который у кетов звучал как *сесь* или *сьесь*. В результате получилось кетское название Енэсесь или Йэнесьесь, означающее «река Река», которое в языке русских землепроходцев трансформировалось в Енисей» (Поспелов, 1988: 15).

Здесь все вполне корректно по логике географической топонимики, умножающей число использований разноязычных географических апеллятивов с одновременным уменьшением их количества в узусе топонимистов. Однако не вполне ясно, почему из рассмотрения выпадают другие версии происхождения этого названия, так же пользующиеся апеллятивами. И совершенно непонятно то, как может согласоваться толкование названия с фактами этнической истории тех народов, из языков которых выводится объясняемое название: например, с какой стати кеты на Енисее стали более поздними пришельцами, нежели эвенки, и откуда вообще группа — изолят енисейских народов появилась в этом регионе как бы поверх и гораздо более многочисленных тюркских народов, эвенков, селькупов, других самодийских народов, ассимилировавшихся в XVIII веке, а также хантов?

Один из первых документальных источников, в котором упоминается река Енисей, относится к 1600 г. Это жалованная грамота московского государя — царя Бориса Годунова — промышленникам *«Пънежским и Мезенским промышленным людям»*: *«Били нам они челом, чтоб нам их пожаловати, велети им ездити промышляти и торговати, в Мунгазею, морем и Обью рекою,*

на Таз и на Пур и на Енисею (sic! — А. Б.), и с самоедами...» (Акты исторические, 1841, т. II: 27). Далее говорится: «...пожаловали: в Мунгазею, морем и Обью рекою, на Таз и на Пур и на Енисей, им ходити, и с Самоедами, которые живут на тех реках, на Тазу и на Пурь и на Енисей им торговати велели поволно» (там же). Стоит отметить, что в данном документе форма «Енисей» употребляется позже, чем форма Енисея, никогда не привлекавшаяся топонимистами для истолкования этого названия. Исключительно важно то, что название Енисей в этом документе, которому, очевидно, предшествовали отписки или челобитные пинежских и мезенских промышленников, название Енисей стоит в одном ряду с названиями рек Пур и Таз и упоминанием самоедов, то есть ненцев, вместе с которыми так могли именоваться и тазовские селькупы, но это уже не влияет на ход рассуждений.

В одном из электронных топонимических справочников мы читаем: «Енисей, р., впадает в Северный Ледовитый океан. Русские об реке Енисей знали в XVI в., уже 80—90-х гг. писали об «Ендези», о плавании русских до Оби и Гилиси (Енисея). В грамоте царя Бориса, в 1600 г.¹, указывались «р. Енисей», «Енисейский волок». Вскоре русские были в низовьях Енисея на Турухане, близ устья Енисея. Название «Енисей» в форме Ендези, Ендези-ям русские могли перенять от ненцев, которые в свою очередь могли позаимствовать его в искаженной форме от селькупов или эвенков, лишь добавив к нему свой термин *ям* — «река». У эвенков, проживающих по Енисею ниже от устья Ангары, река называлась Еоанэси в значении «Большая река». Народы, проживающие по Енисею вверх от устья Ангары, называли реку: хакасы *Хем-Суг* — «большая река» (здесь *суг* — «река»), тувинцы *Улуг-*

хем — «большая река» (улуҕ — «большая»). Слово же хем на их языках не объясняется. Оно восходит к гидронимии XIII — XIV вв., так, в «Сокровенном сказании» (1240 г.) упоминается, что в системе *Секиз-Мурен*, т. е. «Восьмиречья», главной рекой является «река Кем», т. е. Енисей, который впадает в реку «Анкара-Мурэн», т. е. в Ангару². Из русских источников узнаем, что в 1610 г. дворянин Кондратий Курочкин поехал из Туруханска к устью Енисея и доказал, что Енисей впадает в Ледовитый океан. На первой русской карте в 1667 г. нанесена «р. Енисее», в XVIII в. стали произносить и писать «Енисей». Считаем, что «Енисей» есть топонимический подарок эвенков: Еонэси — «большая река»» (Енисей и его притоки: Электр. ресурс). Данное утверждение ближе к истине, так как русские на пути к Енисею действительно сначала встретились с ненцами, а потом уже с эвенками.

Е. С. Селезнев и Т. А. Селезнева пишут в своей брошюре следующее: «Переправившись через Енисей, русские землепроходцы встретились с одним из наиболее распространенных племен горной тайги и лесотундры — с тунгусами, предками современных эвенков, эвенов и негильдайцев (Sic! — и эвенки, и эвены и негидальцы уже существовали в это время как самостоятельные народы, хотя назывались иначе. — А. Б.). О глубокой древности их расселения по енисейской тайге свидетельствует тунгусское происхождение названия Енисея. Позаимствовав его у самоедов, тунгусы добавили топоформант «ям» — большая река («Ензяям»). Кроме того, три четверти названий в бассейнах рек Подкаменной и Нижней Тунгусок, которые по-эвенкийски называются Катангами, также имеют тунгусское происхождение» (Селезнев, Селезнева, 1996). Здесь

очевидная ошибка: топоформант *ям* могли добавить к этому названию ненцы, но никак не эвенки, в языке которых собственно топонимические форманты вовсе отсутствуют, а уменьшительный суффикс *-кан/-кэн/-кон*, встречающийся в топонимах, топоформантом не является.

Топонимическая информация иногда обретает странные формы, подменяющие мотивированность названий. Например, вот что можно прочесть о гидрониме Енисей: «Характерен рассказ о происхождении названия реки Енисей. В XVI в. русские землепроходцы, продвигаясь по просторам Сибири, спросили, *используя, видимо, язык жестов* (курсив мой. — А. Б.), у местных жителей (эвенков), что они встретят дальше на своем пути. Те, показывая рукой на восток³, сказали Ионасе («большая вода») Русские, подойдя к большой реке, поняли это ионасе как ее название. Так, изменив своё звучание и значение, слово вошло в русский язык (а через него и в другие языки мира) (С кем поведешься...: Электр. ресурс). Как можно на языке жестов спросить, что лежит на пути далее — не вполне ясно. Конечно, за название реки может приниматься все, что угодно, но основания для допущения полного непонимания и использования языка жестов в коммуникации между русскими и эвенками полностью отсутствуют.

А. Барболина в довольно категоричной форме утверждает: «По исследованиям Е. Владимирова, «русские впервые узнали о реке Енисей еще в конце XVI века, до основания исторического города Мангазеи (1601 г.) от ненцев, у которых она именовалась Енасе, а в низовьях ее у нганасанов (тавгийских самоедов) Едо-се — «широкая река»⁴. Еще одна версия, М. Н. Мельхеева, бурятского топонимиста, предполагает, «что ненцы могли заимствовать

это имя от эвенков или селькупов, у которых Енисей ниже впадения в него Ангары назывался Еоанэси — большая река». Позже известный тунгусовед Г. М. Василевич (1958)⁵ подтвердила эту версию и указала на слово *йэне*, которое сохранилось в крайних западных и восточных группах эвенков в значении «большая река», тогда как обычная река — *бира*. В сравнительном словаре тунгусо-маньчжурских языков даются словообразования в ряду с *йэнэ*: *йэндрэги* 1) река (большая); 2) исток (большой реки); 3) р. Енисей; *йэнгэ*, *энгнэ*, *энгн'э*; 4) овраг; 5) р. Яна. В действительности Енисей — большая река, я согласна и поддерживаю версию, что Енисей — Иоанеси с эскимосского (*sic!* — А. Б.) языка переводится буквально большая вода, река» (Барболина, 2006: 16-18). В тексте цитаты «эскимосского», видимо, опечатка вместо «эвенкийского», но проблема заключается в том, что слово *енэ*, *йэнэ* «река» для эвенкийского языка редкое и диалектное, а в других тунгусо-маньчжурских языках оно и вовсе отсутствует. Те формы, к которым исследователи — топонимисты пытаются возвести название Енисей, в словарях эвенкийского языка отсутствуют, и почему их наличие или отсутствие никем не было до сих пор проверено — остается загадкой. Далее, эвенки явно не относятся к числу древних жителей бассейна Енисея.

Основная масса идей относительно этимологии гидронима Енисей, а равно и материал, который используется для этимологизации, взяты топонимистами 1950-х — 1960-х гг. отнюдь не из современных словарей самодийских или тунгусо-маньчжурских языков. Как это ни парадоксально, но почти все из приведенного выше восходит к комментариям к изданию сочинений иностранных путешественников о Сибири, осуществленному в 1930-е гг. В

этом издании имеется примечание к сочинению Альбрехта Доббина «Описание Сибири»: «8. Форма «Енисей», аналогичная той, которую дает Доббин (Jelissee), засвидетельствована в северно-русских говорах и встречалась еще в XIX в. у крестьян Архангельской губернии; голландцы конца XVI в., стоявшие близ берега о. Вайгача, слышали уже о Енисее и называли его Gilissi, Gelissi, Geniscea (Литке Ф. Четырехкратное путешествие в С. Ледовитый океан. Т. I. С. 13–19. 23, 42–44, 127; Adelong J. Chr. Gesch. d. Schiffahrte und Versuche. III. S. 187, 194, 213, 425; Замысловский Е. Герберштейн. С. 89, прим.); ср. в «Описании Сибирского, царства»; «Генесейской острог стоит над великой рекой Генесею» (Титов А. Сибирь в XVII веке. М. 1890. С. 82). Иначе Енисей назывался у нас «Ислендь — река», на которую находим любопытное указание в статейном списке посольства Босуса (Сб. Русск. Истор. Общ. XXXVIII. С. 38, 94; Середонин С. Флетчер. С. 134). Койбалы называли верхний Енисей Кемь — река (Laxmann. Sibirische Briefe. S. 12), как называются еще многие, впадающие в него, реки (Humboldt. Asie Centrale. 1. С. 232)⁶; Миллер (Sammlung Russ. Geschichte. IV. S. 510) полагает, что Енисей — название тунгусское; это подтверждает и Клапрот (Memoires relatifs a l'Asie. Paris 1824. P. 451), который производит его название из слова Joandessi (ионесси — «большая вода»), которым тунгусы именуют Верхнюю Тунгуску (Egli J. J. Nomina geographica. 1872. S. 262, 263)» (Алексеев, 1941: 398-399).

Приведенные здесь формы, используемые для толкования гидронима Енисей, не обнаруживаются ни в одном из языков, которому они могли бы принадлежать — ни в хантыйском, ни в

селькупском, ни в ненецком, ни в эвенкийском, и самое их появление не находит рационального объяснения, хотя ими широко пользуются топонимисты-сибиреведы. Возможно, перед нами сильно искаженные или диалектные формы ненецкого названия Енисея Ензя-ям (см. ниже). Другое предположение — то, что эти формы являются неточными записями эвенкийского слова *енэ-нде* «большая река, речища» (*енэ* «река» + увеличительный суффикс *-ндя/-нде*) априори в свете сказанного выше маловероятно: мы теперь точно знаем, что русские услышали впервые о Енисее не от эвенков, а от ненцев, а ненцы, как будет понятно из изложенного далее, это название ни у кого не заимствовали.

Данное здесь освещение истории объяснения гидронима Енисей неизбежно требует обращения к новым, аутентичным языковым материалам в поисках этимологии данного названия. И такой материал находится, причем он вводится в оборот вместе с его осмыслением. Е. Т. Пушкарева пишет: «Кроме фольклорных топографических обозначений местности в ненецком народном творчестве встречаются некоторые реальные топонимы: например, *Саля' ям'* (Река с высокими обрывистыми, выдвигающимися в воду, берегами) — Обь и Обская губа, *Ҩарка нерци яха ям'* — Большая ивовая река-море (в Ямальском районе Ямало-Ненецкого округа так называют Обскую губу), *Ҩарка Нгыд* — река Ныда в Надымском районе Ямало-Ненецкого округа (по мнению жителя этой реки название произошло от имени человека *Ҩыд*, который был ее владельцем); этимология слова не ясна. *Енся ям'* (Река с крутыми, прямыми берегами) — Енисей. В мифе-сказке «Сюдбя вэсако»... герой тащит за собой свою маленькую нарточку *сюнка*, и все, что он находит по пути, грузит на нее. Через некоторое

время он устал таскать саночки, оглянулся назад и увидел, что след его нарточки прорезал прямую, как тетива лука, реку, и воскликнул: «Когда-нибудь эта река будет называться *Ензя яха*». В конце оказалось, что в образе сюдбя вэсако ходил Явмал» (Пушкарева, 2007: 18). Таким образом, и это крайне неожиданно и нелогично для догматов исторической топонимики — гидроним Енисей этимологически объясняется из ненецкого языка без обращения к исторической перспективе этого языка. Присутствие топонимической легенды в данном рассказе отнюдь не снижает ценности языкового факта, объясняющего древнее загадочное название.

А. Е. Аникин также поддерживает версию о самодийском происхождении гидронима Енисей, отмечая: «“Привязка” к определенным путям за Урал (южносибирскому, «чрезкаменным» Печерским и морскому) была продемонстрирована в литературе и для ряда других русско-сибирских этнонимов и топонимов, что в ряде случаев способствовало их этимологической интерпретации: Сибирь < тат. *Sibir*; Тюмень < тюрк. *тымен* 'десять тысяч', 'множество, тьма'; Югра < коми *йигра* 'вогул, остяк'; Обь < коми *об* 'снежный занос, завал, обильно выпавший снег'; Березов (город) (калька с хант. *Сугмут-ваш*, манс. *Халь-уш*); тунгус < нен. *тыһгос*, *тыһгус* 'эвенки'; Енисей < др.-нен. *Енэсий* (нен. *Ензя-ям*); Мангазея < нен. *Мохканси* (этноним)... и др.» (Аникин, 2000: 74).

На сегодняшний день версия о происхождении гидронима Енисей, приведенная в книге Е. Т. Пушкаревой, представляется наиболее реалистичной с точки зрения языковой принадлежности и этимологии топонима, так как внутренняя форма ненецкого *Ензя-ям*, *Ензя-яха* хорошо согласуется со свойствами обозначаемого объекта.

Для того, чтобы разобраться, как называли Енисей и его притоки первооткрыватели тех мест, очень важен документ, датируемый 1640 – 1541 гг., и именуемый «Росписание рек». В нем говорится: «От Енисейского острогу шли до устья Енисея ж реки, которая течет из-под Красного яру, три дни; а иноземцы называют тое реку Большою Кемью, а Тунгуску зовут Енисеем, а та река Кемь пала в Тунгуску реку с правую сторону» (Дополнения к актам историческим, 1846, т. II: 243). Здесь интересно то, что тюркское название Енисея Улуг-Хем отмечается уже в 1640-е гг. в виде полукальки «Великая Кемь», а название Ангара в документах, описывающих бассейн Енисея, вообще отсутствует.

Что касается происхождения и истории тувинского слова *хем* («река»), входящего в состав тувинского названия Енисея — *Улуг-Хем*, то его история до настоящего времени не ясна.

Л. К. Хертек в своей статье отмечает, что это слово встречается, кроме тувинского языка, еще в хакасском и тофаларском языках, а также в одном из енисейских языков — коттском (Хертек, 2002: 135-136). При этом в коттском языке данное слово не оказывается общеенисейским названием реки — в том же коттском языке было слово *шет* «река», соответствующее ассанскому *шет*, аринскому *сам*, кетскому *сесь* «река» при эсксклюзивности пумпокольского том (Паллас, 1787, т. 1: 315-316). Такое положение дел препятствует тому, чтобы признать слово *хем*, *кем* в тюркских языках енисейским заимствованием. Высказанное в данной статье предположение исследовательницы о том, что географические апеллятивы *кем/хем* в топонимии выступают проявлениями названий крови и иллюстрируют проявления соматических метафор в топонимике (Хертек, 2002: 138-139) нам кажется спорным:

при том, что исток реки именуется *баш* «голова» (но это слово означает еще и «начало»), все же устье реки в тюркских языках называется *богаз* или *тамак* «шея, горло», а вовсе не названиями нижних конечностей. Соматические метафоры топонимии оказываются парциальными и дисперсными, они не образуют системы. К сожалению, и, похоже, в этом нет вины автора, статья Л. К. Хертек написана с привлечением не слишком надежных лингвистических источников (поиски самодийского субстрата в южносибирских тюркских языках успехом пока не увенчались и все примеры не внушают доверия). И что самое главное, она основывается на чисто географических приемах толкования гидронимов в топонимике, которые часто граничат с произволом.

Рассмотрение истории гидронима Енисей будет неполным без привлечения материалов об истории названия Ангара, поскольку оба эти названия в древности и далеко не во всех близких к современности документальных источниках связывались с теми географическими объектами, которые они обозначают ныне.

Как известно, в наши дни Ангара — название одного из правых притоков Енисея, единственной реки, вытекающей из озера Байкал.

В. А. Никонов в своем словаре производит данный гидроним от монг. *ангар* «щель, трещина расселина», бур. *ангар* «рот, ущелье», «открывать, раздвигать», со ссылками на мнение Г. Д. Санжеева и Э. Р. Рыгдылона, отмечая: «Возможность связи с тюрк. *ангар* широкая долина недостаточно исследована... Эвенки называют Ангару *Йанегзи* (сравн. Енисей), считая ее главной, а Енисей выше их слияния — ее притоком» (Никонов, 1966: 25)). То же

самое об этом гидрониме думает и Е. М. Пospelов (Пospelов, 2008: 79-80).

М. Н. Мельхеев в своей книге «Географические названия Восточной Сибири» пишет: Ангара, р., приток Енисея — на бурятском языке от корня *анга* (см.) слова *ангай*, *ангара*, *ангагар*, *ангархай* одинаково означают «разинутый», «открытый», «раскрытый», «зияющий», а также «расселина», «ущелье», «промоина». И если иметь в виду, что Ангара в своем истоке, прорезая горы, стремительно течет по расселине, ущелью, то она действительно напоминает «рот», «открытую пасть», жадно и непрерывно поглощающую воды Байкала. Происхождение названия Ангара связано с характером морфологии долины реки у ее истока, напоминающем расселину, ущелье, по которому Ангара вырывается из Байкала. Название Ангара в исторических источниках впервые упоминается в XIII в. в форме Анкара-мурэн» (Мельхеев, 1969: 13). Такую же позицию в понимании значения гидронима Ангара занимает и А. Л. Ангархаев (Ангархаев, 2003: 61-63).

В электронном справочнике по гидронимии бассейна Енисея говорится: «Название Ангара упоминается в XIII в. в "Сокровенном сказании" монголов и в XIV в. у Рашида-ад-дина: "По слиянии этих рек образуется река Анкара мурэн. Река эта чрезвычайно большая; на ней живет одно монгольское племя, которое называют усуту-мангут". В начале XVII в. "русские землепроходцы совершили плавание по Ангаре, называя ее тогда "Верхняя Тунгуска" — по имени тунгусов (эвенков). Это название к Ангаре относилось на участке от устья р. Илим и ниже до устья. Русские при встрече с приангарскими бурятами, что состоялась в районе ангарских порогов, усвоили новое другое название реки —

Ангара, и оно распространялось впоследствии на всю реку, хотя она под этим именем была известна еще в XIII в.» (Енисей и его притоки: Электр. ресурс).

Данные толкования нельзя оставить без комментариев. Приведенные выше слова, с которыми сравнивается гидроним Ангара, — сплошь бурятские, слово «рот» в эвенкийском языке имеет вид *амнга*.

Такие мнения для своего времени выглядели достаточно убедительно, хотя словообразовательные средства, образующие имя от глагольного корня, тут остаются вне объяснения. Однако в той же книге М. Н. Мельхеева помещена другая топонимическая статья, объясняющая сходно звучащий гидроним: «Анга, рр., притоки Лены и оз. Байкал — на эвенк. и бур. языках *анга* означает «пасть животного», «рот», а в переносном смысле — «ущелье», «расселина», «промоина». Действительно, эти реки, рассекая горные хребты по ущелью, расселине выносят свои воды в Байкал или Лену» (Мельхеев, 1969: 13). Тут проявляется один нюанс: эвенкийский и бурятский языки принадлежат к разным группам — тунгусо-маньчжурской и монгольской соответственно, и ссылки на родство этих групп внутри алтайской семьи не позволят дать ответ на вопрос, из какого же языка происходят приведенные гидронимы.

Наконец, в новом электронном справочнике есть еще одна неувязка, имеющая прямое отношение к истолкованию гидронима Ангара. В нем рядом со статьей «Ангара» есть такая статья: «Ангараба, приток р. Кан. Самодийский *ба* — «вода»; река Ангара-ба значит «река Ангара». Следовательно, самодийцы только добавили свой термин *ба* — «река» к известному названию «Ан-

гара"» (Енисей и его притоки: Электр. ресурс). Дело в том, что в самодийских языках — ненецком, энецком, нганасанском и селькупском — нет начального согласного *б*, и формант *ба* не может принадлежать этим языкам. Это может быть элемент енисейских языков, но, как мы уже отмечали, образование енисейских, в частности, кетских производных от эвенкийских основ в топонимике этого региона исключено, поскольку невероятно с точки зрения этнической истории народов данного региона — как раз кеты являются аборигенами бассейна Енисея, а эвенки, как принято считать ныне, появились на Енисее относительно недавно.

В этом же справочнике «Енисей и его притоки» есть еще одна статья о гидрониме Ангара: «Ангара, проток р. Енисея, близ с. Кривошейного Новосибирского района, теперь под водами водохранилища. Считают, что "это несколько измененное название одного из племени тубалар — "ингара" (ангара). Есть топонимы Анга, правый приток Чулыма» (Енисей и его притоки: Электр. ресурс). Эта статья могла бы дать новый импульс к поиску объяснений для байкальской Ангары, но такого не случилось.

Исследователь сибирской топонимики А. М. Малолетко пишет: «Исторической несправедливостью является то, что Обь будто бы является главной рекой Западной Сибири. На самом деле ее приток — Иртыш — превосходит Обь по длине и водности. Но так распорядилась история. Происхождение имени Иртыша затемнено. Возможно, компонент «ирт» — это забытый географический термин тюрков со значением «вода, река»⁷. Ханты именуют Иртыш «Катан-ас» «татарская большая река». В давних китайских хрониках Иртыш носил название Пугуджень «булгаров река», а в X веке кимаки, предки казахов, называли его — Гамаш.

Енисей получил, считает большинство исследователей, своё имя от тунгусского Иоандези «большая река». У ненцев есть название «Енасе» — «большая вода», у других народов Сибири по меньшей мере ещё десяток имен как близких по звучанию к слову «Енисей», так и весьма далеких. (У кетскоязычных племен, например, «Кик», «Пача-ул»). Но все названия так или иначе переводятся как «большая вода», или «большая река». Претерпели существенные изменения названия притоков Енисея: Нума стала Курейкой, Богнал (Коту) — Нижней Тунгуской, Катанга — Средней (Подкаменной) Тунгуской. Правый приток Енисея — Туба назывался древними тюрками Идиль, что значит «местность, богатая зелёной травой»). Название Янг-Айры — «большая река» — трансформировалось в Анкар, а позже в Ангара. А непонятное и труднопроизносимое название Элюене превратилось в имя реки Лена...» (Малолетко, 2008).

Здесь весьма интересные рассуждения и оригинальные мнения, в числе которых неожиданная версия интерпретации гидронима Ангара, соседствуют с сомнительным или ненадежным языковым материалом. Нет лингвистических данных о гидронимическом термине *ирт* у тюрков, а название реки Иртыш хорошо объясняется из кетекого языка: Эр-сесь «соболиная река». У ненцев и у эвенков, как выясняется, нет слова Енасе — большая вода, а якутское название реки Элиэнэ не является сложным образованием из слов «река», по нашему мнению, — это якутское название восходит к юкагирскому йойл-энунг «река с крутыми берегами»⁸. Слова Янг-Айры «Большая река» незнакомы большинству лингвистов-тюркологов и оставят их в недоумении. Увы,

таково положение дел в объяснении названий рек Сибири в контексте географии, чем активно пользуются историки и географы.

Река с названием Анкара-мурэн упоминается в начальной части сочинения Рашида-ад-дина в следующих контекстах: «..народы, которых с древнейших времен и до наших дней называли и называют тюрками, обитали в степных пространствах, в горах и лесах областей Дешт-и Кипчака, русов, черкесов, башкиров, Таласа и Сайрама, Ибира и Сибири, Булара и реки Анкары, в пределах областей, которые известны [под названиями] Туркестана и Уйгуристана; по рекам и горам в [областях] народа найман, как, например, Кок-Ирдыш [Синий Иртыш], Ирдыш, 4 [гора] Каракорум, 5 горы Алтая» (Рашид-ад-Дин, 1952, т.1, кн.1: 73).

«Племя татар. Их имя издревле было известно в мире. ... Говорят, [что], когда племена татар, дурбан, салджиут [в тексте салджиун] и катакин объединились вместе, они все проживали по низовьям рек⁹.

По слиянии этих рек образуется река Анкара-мурэн. Река эта чрезвычайно большая; на ней живет одно монгольское племя, которое называют усуту-мангун. Границы [его расселения] в настоящее время соприкасаются с [пропущено название страны]. Та река [Анкара] находится вблизи города по имени Кикас и в том месте, где она и река Кэм сливаются вместе. Город тот принадлежит к области киргизов. Утверждают, что эта река [Анкара] течет в одну область, по соседству с которой находится море. Повсюду [там] серебро» (Рашид-ад-Дин, 1952, т.1, кн. 1: 101-102).

«Племя ойрат. Юртом и местопребыванием этих ойратских племен было Восьмиречье [Секиз-мурэн]. В древности по течению этих рек сидело племя тумат. Из этого места вытекают реки,

[потом] все вместе соединяются и становятся рекой, которую называют Кэм; последняя впадает в реку Анкара-мурэн. Имена этих рек таковы: Кок-мурэн, Он-мурэн, Кара-усун, Санби-тун, Укри-мурэн, Акар-мурэн, Джурчэ-мурэн и Чаган-мурэн» (там же: 118). «Племя киргиз. Киргиз и Кэм-кэмджиут две области смежные друг с другом; обе они составляют одно владение [мамлакаты]. Кэм-Кэмджиут — большая река, одною стороною она соприкасается с областью монголов [Могу-листан] и одна [ее] граница — с рекой Селенгой, где сидят племена тайджиутов; одна сторона соприкасается с [бассейном] большой реки, которую называют Анкара-мурэн, доходя до пределов области Ибир-Сибир. Одна сторона Кэм-Кэмджиута соприкасается с местностями и горами, где сидят племена найманов. Племена кори, баргу, тумат и байаут, из коих некоторые суть монголы и обитают в местности Баргуджин-Токум, также близки к этой области» (там же: 150).

На самом деле, таким образом, получается, что Анкара-мурэн у Рашид-ад-Дина — это современная Ангара, но получающая свое название где-то ниже своего истока из Байкала при впадении в нее каких-то притоков, не названных по именам, и продолжающаяся под своим именем при слиянии ее с Енисеем.

Русские источники XVII века дают нам следующее описание соотношения Ангары и Енисея. Н. Г. Спафарий в описании своего путешествия рассказывает: *«На правой стороне протока, от порогу Пьяного полверсты, а меж протоки и реки Тунгуски остров версты на 3. А от острова до Брацкого острога полверсты. И того ж числа приехали в Брацкой острог. А острог стоит на ровном месте. А в остроге церковь во имя Пресвятыя Богородицы Владимирския. А жилых дворов казачьих с 20. Да под острогом*

течет река Ока. А вытекла из степи, а по ней живут пашенные крестьяне и Браты. И от Брацкого острога реку Тунгуску называют Ангарою. ...И сентября в 11-й день приехали к Байкальскому морю на усть реки Ангары» (Спафарий, 1882: 107-108); «...где течет Ангара река из Байкала, и по обе стороны усть реки Ангары горы великия каменные, высокия и лесныя, а устье Ангары будет ширина больше версты, а из Байкала течет великою быстротою река Ангара, а из тех высоких гор видеть горы за Байкалом снежныя и превысокия, и один край Байкала, которой называют Куктук, а другой край зело далеко, и не видеть, и нигде нет так узко в Байкале, как против устья Ангары; а при усть Ангары пристанищ нет, только все утес да камень, и едним словом рещи — зело страшно, наипаче тем, которые прежде сего на нем не бывали, потому что везде кругом обстоят горы превысокия, снежныя и леса непроходимые, и утесы каменные» (там же: 116-117).

В этом изложении существенно, что в последней четверти XVII в. название Ангара держалось за отрезком реки от Байкала до Братского острога (современного Братска), а от Братского острога до впадения в Енисей эта река именовалась Верхней Тунгуской, или даже самим Енисеем, поскольку полагалось, что исток Енисея расположен именно на Байкале, в то время как его современное верхнее течение рассматривалось как его приток. Отметим и то, что «устьем», как ясно из текста, Спафарий называет исток Ангары.

В комментариях к изданию описания путешествия Спафария говорится: «От деревни Стрелкиной (№ 363) начиналось плавание Ангарою, представлявшею для водного путешествия весьма опасные места своими порогами и шиверами. В одной из рус-

ских Космографий XVII века, в статье, описывающей Сибирь, сказано об этом следующее: "Ходят же Российские люди Сибирской земли ...во Онгаре с великою нуждею великия раги быстрины и болших порогов страшных и необычных, яко на велику гору верст по пяти и менши, с великим трудом и большею нуждею в малых судах на великия и высокия камени. Потребная же и запас весь обносят на рамех своих пороги те, и ничего же не остается от потребных в судах тех. Мнози же на тех порогах убиваются и до смерти человецы великия раги нужды" (См.: Изборник слав. и русск. сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции, А. Попова, с. 528)» (Арсеньев, 1882: 190-191). Эти цитаты интересны для нас тем, что одна из них содержит необычную для нас форму *Онгара*.

По каким-то причинам от внимания исследователей ускользнул и сам документ, важный для понимания того, к чему относилось название *Ангара*, и его содержание — это «Отписка Енисейского воеводы Федора Уварова, об обложении ясаком немирных тунгусов и о постройке острога при Байкале, близ устья *Ангары*», датированный 4 ноября 1646 г. То, что слова «при Байкале, близ устья *Ангары*» являются с нашей точки зрения топографическим абсурдом, очевидно, но мы отмечаем, что устьем *Ангары*, вопреки современной логике, назывался ее исток. В этом документе говорится, что атаман Василий Колесников «на Байкале в *Култуке*, не дошед за день до верхние *Ангары* реки, на устье *Тикона* реки...взял у них тунгусского князца *Котегу*..., да другого князца *Мукотея* призвал на усть *Ангары* реки» (Дополнения к актам историческим, 1848, т. III: 68). Этот текст на первый взгляд не содержит противоречий, за исключением того, что начало реки

Ангары называется то верхом, то устьем. Но далее в том же документе мы читаем: *«В прошлом ге государь, во 154 (7154 – 1646 гг.) зимовали они с атаманом с Василием Колесниковым на Байкале озере против Олхону острова (неясно, на какой стороне Байкала, северной или южной. — А. Б.), и летом ге за две недели до Петрова дни пошли они по Байкалу озеру возле левую сторону, и не дошед малые Ангары реки пришли на берег тунгусы князец Котега..., на том ге, государь, бою, тех тунгусов изымали и князца Котегу взяли и в аманаты его посадили. И пришли на усть малые Ангары реки и поставили острог..., и атаман ге, государь, Василей Колесников послал вверх по Ангаре реке в улус к Мукотею князцу служилых людей... А по Ангаре ге, государь, реке сказывают, что живут тунгуские люди и до вершины...»* (там же: 69).

Кажется, никто из читавших этот документ не обращал внимания на то, что от берега Байкала вверх по известной нам Ангаре пойти никак нельзя. В то же время в этой отписке явственно указывается «Ангарская вершина», а не «усть», как назывался исток современной Ангары. Никаких оснований для того, чтобы думать, будто в отписке сведены и слиты известия о разных перемещениях казачьих отрядов, у нас нет оснований: речь явно идет об одном походе. Объяснение такой ситуации может быть только одно — за названием Ангара в этом документе скрывается какая-то другая река, впадающая в Байкал. И это положение согласуется с приведенным выше известием Рашид-ад-Дина о том, что река Анкара-мурэн не имеет истока в Байкале.

В нашем распоряжении не так уж много фактов для того, чтобы предложить более приемлемое объяснение для гидронима Ангара. Что необходимо принять во внимание: во-первых, то, что

название Ангара по ранним документам относится к верховьям Ангары от истока до Братска или устья Илима, но не ко всей реке. Средневековые письменные источники на самом деле не подтверждают ранней фиксации этого гидронима. Во-вторых, название этой реки оказалось слабым местом в топографии и географии из-за того, что эта река считалась частью Енисея. Наконец, в-третьих, имя Ангара относится к числу повторяющихся имен, и его мотивировка, исходящая из фактов бурятского языка, не слишком убедительна, даже если описательная характеристика места сравнима внешне с гидронимом. То, что Ангарой стала называться река, вытекающая из Байкала и впадающая в Енисей — результат позднейших переименований, точнее, переносов наименования с одного объекта на другой.

По-эвенкийски *о:нган* — «мелкая сосна, растущая на заливных берегах» (множественное число *о:нгар*) — слово с таким значением вполне могло быть принято за название реки, а *о:ннга:н* «внутренний угол чего-либо» (Сравнительный словарь..., 1977, т.2: 20а, 19б). Такое название у эвенков мог носить залив в западной части Байкала, называемый по-русски *Култук*. Множественное число от имени существительного *о:ннга:н* выглядит как *о:ннга:р*. Наконец, возможно, что название реки Ангара происходит от тунгусского, собственно эвенского слова *онга:р* — «оленье коповище, место, где олени добывали мох», то есть зимнее моховое оленье пастбище.

У этих этимологий есть уязвимые места — по новым концепциям, эвенки в Прибайкалье появились относительно недавно, примерно 500–600 лет назад, и мы пока не располагаем картой их расселения в Прибайкалье и в бассейне Енисея в XVI–XVII

вв. слово *онга:р* («оленье коповище») пока не найдено в эвенкийских диалектах. Однако показательно то, что на реке с названием Ангара, согласно рассмотренному выше казачьему документу, жили только эвенки, даже нигде по соседству с ними не было «брацких людей», то есть бурят. Следовательно, у нас есть все основания считать гидроним Ангара эвенкийским по происхождению, к чему бы он первоначально ни относился. Поскольку в бурятском языке последовательность гласных *о + а* внутри слова невозможна, а в эвенкийском при долготе гласного первого слова — возможна, то понятно, что гласный первого слога изменился на *а*, и это породило созвучие данного топонима с теми бурятскими словами, к которым его обычно возводили топонимисты. Отметим, что наши предположения так или иначе объясняют морфологическую структуру гидронима, в то время как интерпретации топонимистов-бурятоведов никак ее не комментируют, указывая лишь на основу. Так или иначе, но приходится признать, что ресурсы бурятского языка нам почти ничего не могут дать для объяснения гидронима Ангара — Анкара-мурэн, известного нам более 600 лет.

Таким образом, гидроним Енисей объясняется из современного ненецкого языка как «река с прямыми, ровными берегами», и первоначально он относился только к низовьям Енисея, где жили ненцы, и от ненцев это название впервые было услышано русскими землепроходцами. Позже, когда казаки Енисейского острога стали обследовать эту реку выше впадения в нее Ангары, они слышали другое ее название Кем или Улуг-хем, что и нашло отражение в казачьих документах как Великая Кемь. Это же название Енисея — *Кем* — отмечено в хронике Рашид-Ад-дина. Показатель-

но, что название Енисей в исторических источниках, относящихся к территории Южной Сибири и Центральной Азии, не встречается вовсе, хотя именно оно закрепилось за этой великой сибирской рекой на всей ее протяженности.

Гидроним Ангара для средневековых историков и географов был почти легендарным: под Ангарой Рашид-ад-Дин понимал среднее и нижнее течение Енисея, а исток ее определялся им где-то в среднем течении современной Ангары. Казаки, обследовавшие Байкал, явно называли под Ангарой какую-то из рек, впадающих в Байкал в западной его части. В русских документах середины XVII века, содержащих сведения об Ангаре, нет упоминаний о бурятах, и это дает нам основания считать, что название Ангара является по происхождению эвенкийским. Н. Спафарий, путешествовавший по Енисею и Ангаре в 1670-е годы, отметил, что современная река Ангара называется Ангарой только от Братска до ее истока — там, где во время его путешествия уже жили буряты, но как раз этот отрезок современной Ангары не назывался Ангарой ни во времена Рашид-ад-дина, ни во время первых походов русских землепроходцев на Байкал. Соответственно современный этнический контекст названия Ангара оказывается гораздо моложе самого названия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

- Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией (1841-1842). Т. I-V. СПб.
- Алексеев, М. П. (1941) Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей. 2-е изд. Иркутск.
- Ангархаев, А. Л. (2003) Этимологическое исследование древнемонгольских онимов. Новосибирск.

- Аникин, А. Е. (2000) Из лексического комментария к русской колонизации Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. № 4. С.74-76.
- Арсеньев, Ю. В. (1882) Комментарии к кн.: Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 году // Записки Русского Географического Общества по отделению этнографии, Т. X. Вып. 1. СПб. С.179-198.
- Барболина, А. А. (2006) Таймырская топонимика. Реки и озера // Факел Таймыра. № 5–6, май – июнь. С.16-18 (дата доступа: 08.05.2009).
- Василевич, Г. М. (1958) Топонимика Восточной Сибири // Известия Всесоюзного географического общ-ва. Т. 90, Вып. 5. С. 324–335.
- Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею (1848). В XII тт. Т. 3. СПб.
- Енисей и его притоки. Топонимический справочник. У таёжного костра [Электронный ресурс] // URL: <http://taiga.nago.ru/modules.php?name=News&file=print&sid=31>
- Малолетко, А. (2008) «Обь» — и «вода», и «душа», и «мать» // Аргументы и факты. Томск. № 5 (353), 30 января. URL: http://tomsk.aif.ru/issues/353/9_01
- Мельхеев, М. Н. (1969) Географические названия Восточной Сибири. Иркутск. URL: http://www.turklib.ru/engine/includes/print.php?category=general_history-science&altname=heograficheskie_nazvaniya_vostochnoi_sibiri_irkutskaya_i_chitinskaya_oblasti
- Небольсин, П. (1850) Краткие заметки о Байкале, Ангаре и Енисее // Отечественные записки. Т. LXVIII, февр., отд. VIII. С. 220-228.
- Никонов, В. А. (1966) Краткий топонимический словарь. М.
- Паллас, П. С. (1787) Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею высочайшей особы. В 2 тт. Т. 1 СПб.
- Поспелов, Е. М. (1988) Туристу о географических названиях. М.
- Поспелов, Е. М. (2008) Географические названия России. Топонимический словарь. М.
- Пушкарева, Е. Т. (2007) Картина мира в фольклоре ненцев: системно-феноменологический анализ. Екатеринбург. 2007.
- Рашид-ад-Дин (1952) Сборник летописей. Кн. 1. Ч. 1. М. – Л.
- С кем поведешься... [Электронный ресурс] // Русский язык. Электронная энциклопедия. URL: <http://russkiyjazik.ru/index.php>
- Селезнев, Е. С., Селезнева, Т. А. (1996) Тайшет — город, рожденный Транссибом. Брошюра № 1: На земле древних кетов. Тайшет.
- Спафарий, Н. (1882) Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 году // Записки Русского географического общества по Отделению этнографии. Т. X. Вып. 1, СПб.
- Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков (1977). Т. II. Л.
- Хертек, Л. К. (2002) Гидрографические апеллятивы ХЕМ/КЕМ, КАН и антропоморфная модель мира // Мир Центральной Азии. Т.IV. Ч.I. Языки. Фольклор. Литература: Материалы международной научной конференции. Улан-Удэ. С.135-141.

-
- ¹ В тексте опечатка «160 год», что можно прочесть только как 1600. Предполагать, что под цифрами 160 скрывается 7160 год от Рождества Христова, как иногда указывалось в документах, невозможно: этот год соответствует 1652 году, времени правления Алексея Михайловича.
- ² В «Сокровенном сказании» упоминания об Ангаре отсутствуют.
- ³ Этническая история небольших групп эвенков, живущих к западу от Енисея, равно как и история контактов этих групп эвенков с русскими, не изучена. Однако ясно, что она не имеет отношения к открытию Енисея, поскольку нам известно, что русские сначала открыли нижнее течение Енисея, а не те места, где ныне живут эвенки.
- ⁴ Кажется, нганасанские языковые материалы для объяснения происхождения гидронима Енисей еще не привлекались. Исходя из приведенного примера это направление поисков отнюдь не бесперспективно, но, каковы бы ни были результаты разысканий, название Енисей однозначно связывается с низовьями этой реки.
- ⁵ Вероятно, имеется в виду статья Г. М. Василевич (Василевич, 1958).
- ⁶ Последнее указание весьма важно, так как проливает свет на происхождение тувинского названия Енисея Улуг-Хем и географического апеллатива хем «река».
- ⁷ Придется не согласиться с автором — это невозможно: соответствующие географические термины тюркских языков и алтайских языков хорошо известны и среди них нет ничего подобного.
- ⁸ Более того, все языковые гибриды, закладываемые в этимологии гидронимов Енисей, Лена и других рек, однозначно дискредитируют те объяснения, которые с их помощью предлагают топонимисты.
- ⁹ Здесь либо в тексте лакуна, либо автор не знал названий каких-то рек, на которых жили указанные народы.